

К. Б.

Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенётся в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, —
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в нас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

26 июля 1870

K. B.

Ja sretoh vas — i cijela prošlost
U mrtvom srcu oživje:
Na um je zlatno vrijeme došlo —
I srcu opet toplo je...

Ko pokatkad u kasnu jesen
Osvanu dani ili čas
Kad, ko da proljet dah donese,
Duboko nešto dirne nas, —

Ko da me blaži povjetarac,
Dubinom duše dana tih
Sav vraćam žar iz zaborava
I gledam tako drag mi lik...

Sad kao nakon cijela vijeka
Ko u snu ja to vidim vas
I čujniji je taj od nekad
Neumuknuo nikad glas...

To nije samo uspomena,
Probudio se život sâm —
I čar je onom čaru jednak
I ljubavni je isti plam!

26. srpnja 1870.

ЧЁРНОЕ МОРЕ

Пятнадцать лет с тех пор минуло,
Прошёл событий целый ряд,
Но вера нас не обманула —
И севастопольского гула
Последний слышим мы раскат.

Удар последний и громовый,
Он грянул вдруг, животворя;
Последнее в борьбе суровой
Теперь лишь высказано слово;
То слово — русского царя.

И всё, что было так недавно
Враждой воздвигнуто слепой,
Так нагло, так самоуправно,
Пред честностью его державной
Всё рушилось само собой.

И вот: *свободная стихия*, —
Сказал бы наш поэт родной, —
Шумишь ты, как во дни былые,
И катишь волны голубые,
И блещешь гордою красой!..

Пятнадцать лет тебя держало
Насилье в западном плену;
Ты не сдавалась и роптала,
Но час пробил — насилье пало:
Оно пошло как ключ ко дну.

CRNO MORE

Već od tad petnaest prođe ljeta
I događaja čitav niz,
Ne prevari nas naša vjera
I sevastopoljskih šrapnela
Mi prasak čujemo još svi.

Još posljednji grom zvuka reska
Zagrmi, taj životu dar;
Sred rata okrutna i teška
Tek sada prava riječ se rekla;
Tu izusti riječ ruski car.

I sve što nedavno se zbililo,
Što ratni sukob stvori slijep
Svoje glavo i drskom silom,
Pred čašću nam se snažnom skrilo,
Te pade samo od sebe.

I evo: *stihijo slobode*, —
Što reče slavni pjesnik naš, —
Šumoriš ko u dane one,
I plavi valovi romone,
I ti ljepotom gordom sjaš!..

Tih petnaest ljeta nije malo
U ropstvu zapadnom i zlu;
Na otpor mislila si samo
I nasilje je najzad palo:
Sad ode kao ključ ka dnu.

Опять зовёт и к делу нудит
Родную Русь твоя волна,
И к распре той, что Бог рассудит,
Великий Севастополь будит
От заколдованного сна.

И то, что ты во время оно
От бранных скрыла непогод
В своё сочувственное лоно,
Отдашь ты нам — и без урона —
Бессмертный черноморский флот.

Да, в сердце русского народа
Святиться будет этот день, —
Он — наша внешняя свобода,
Он Петропавловского свода
Осветит гробовую сень...

Март 1871

Sad zove te i ruskoj grudi
Već nudi posao tvoj val,
Na raspravi toj Bog nek' sudi
I velik Sevastopolj budi
Iz ukletoga, mučnog sna.

I to što ti u ono doba
Od ratnih nepogoda skri
U nježno krilo, majko dobra,
Ti dat ćeš nam — bez štete — flota
Da Crnim morem zaplovi.

Da, u srcu svem ruskom rodu
Dan posvećen će biti taj, —
On pruža vanjsku nam slobodu,
Po Petropavlovskome svodu,
Što krije groblje, lit će sjaj...

Ožujak 1871.

* * *

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, — и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаём
Себя самих — лишь грёзою природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

17 августа 1871

***

Od onog burnoga života sveg,
Od krvi što je tekla rijekama
Što ostade, što cijelo čeka nas?
Kurgana dva-tri ostala su tek...

I dva-tri hrasta — sve što gore je, —
Širinom svojom i snagom se diče,
A grane šume — i što ih se tiče
Prah, spomen čiji ruje korijenje.

Što priroda zna o prošlosti?
Njoj prividom se čini povijest naša,
A pred njom u svijest mutno došlo bi
Da njezina smo samo puka mašta.

I djecu svoju svu, za redom red,
Što podvige tu beskorisne čine,
Dočekuje i sve u nedogled
U mirotvorne vodi, bezdane dubine.

17. kolovoza 1871.

***

Хотел бы я, чтобы в своей могиле,
Как нынче на своей кушетке, я лежал,
Века бы за веками проходили,
И я бы вас всю вечность слушал и молчал.

1872

***

Ja htio bih da ležim u svom grobu
Na otomanu kako ležim ovaj čas.

U stalnom stoljeća bi išla hodu,
I vječnost svu u šutnji slušao bih vas.

1872.

***

Всё отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу, волю, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему ещё молиться мог.

Февраль 1873

***

Za kaznu sve mi oduzeo Bog:
Zrak, zdravlje, snagu, volju, blagost sna,
Uza me tebe tek ostavi on
Da još mu mogu moliti se ja.

Veljača 1873.

БЕССОННИЦА (Ночной момент)

Ночной порой в пустыне городской
Есть час один, проникнутый тоской,
Когда на целый город ночь сошла
И всюду водворилась мгла,
Всё тихо и молчит; и вот луна взошла,
И вот при блеске лунной сизой ночи
Лишь нескольких церквей, потерянных вдали,
Блеск золочёных глав, унылый, тусклый зев
Пустынно бьёт в недремлющие очи,
И сердце в нас подкидышем бывает
И так же плачется и так же изнывает,
О жизни и любви отчаянно взывает.
Но тщетно плачется и молится оно:
Всё вокруг него и пусто и темно!
Час и другой всё длится жалкий стон,
Но наконец, слабея, утихает он.

Апрель 1873

NESANICA (Noćni trenutci)

U pustinji gradskoj u noćno doba
Sat jedan cijeli prožima tjeskoba
Kad na grad već duboka noć je pala
I svuda uvukla se magla,
Sve tiho je i šuti; sad se luna digla,
Uz sjaj ove sive mjesečeve noći
Tek izgubljene crkve negdje u daljini,
Sjaj kupola zlatnih, tmurno, mutno ždrijelo
Opustošeno tuče u budne još oči,
I srce u nas nahočetom čini
Što jednako plače, tuži u dubini,
Za ljubavlju, životom u očaju cvili.
No zalud moli i uzdiše plačno:
Sve pored njega pusto je i mračno!
Još sat-dva jadno stenjanje to traje,
Utišava se, slabi i napokon stane.

Travanj 1873.